

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-27-52>

ЭМОТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ ЦИТИРОВАНИЯ В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН, 1964–1965 ГГ.)

Е.В. Насильников

*Государственный университет просвещения (Москва, Россия)
Nevad-vlsu@yandex.ru*

О.И. Максименко

*Государственный университет просвещения (Москва, Россия)
maxbel7@yandex.ru*

Аннотация: В статье исследуются эмотивные аспекты цитирования в дипломатическом дискурсе, основанном на публичной политической коммуникации. Цель исследования – выявить, как различные стратегии цитирования способствуют выражению эмотивности в речах дипломатов. Анализу подвергнуты 100 речей постоянных представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН за период 1964–1965 гг. Для оценки эмотивной окраски использованы автоматизированные инструменты обработки текста: лексикон SentiWordNet, присваивающий словам числовые значения, отражающие степень их положительной, нейтральной и отрицательной окраски; лексикон VADER (Valence Aware Dictionary and sEntiment Reasoner), который оценивает эмоциональную окрашенность слов с учетом их контекстуальных связей; редактор WordCounter, позволяющий выявлять частотные характеристики ключевых лексем. Применены методы дискурс-анализа и количественного анализа для выявления частотности и функций различных типов цитирования. Установлено, что в дипломатическом дискурсе преобладает прямая цитата, что соответствует требованиям институциональной коммуникации к доказательности. Однако выявлены различия в стратегиях цитирования: британские дипломаты чаще используют не прямое цитирование, интегрируя чужую речь в собственный аргумент, тогда как американские постоянные представители прибегают к маркированному цитированию с использованием кавычек, которое сигнализирует дистанцирование от чужой позиции и выражает скрытую иронию или сомнение. Автоматизированный анализ показал, что цитаты выполняют не только референциальную, но и эмотивную функцию, особенно в контексте контрастного цитирования, используемого как инструмент оппонирования. Впервые проведен количественный анализ эмотивных аспектов цитирования в дипломатическом дискурсе с использованием автоматизированных инструментов оценки тональности. Выявлены различия в стратегиях цитирования между американскими и британскими

дипломатами, отражающие национально-культурные особенности институциональной риторики. Особое внимание уделено прагматическим функциям цитирования, интерпретируемым в рамках кооперативного принципа Г.П. Грайса: показано, как соблюдение и маркированное нарушение прагматических максим используются дипломатами для усиления своих дискурсивных позиций и управления оценочными средствами. Авторами разработана методология интеграции автоматизированных инструментов анализа тональности для исследования эмотивных аспектов цитирования, проведен корпусный анализ стратегий цитирования в дипломатическом дискурсе, что позволило выявить их прагматические функции.

Ключевые слова: цитирование, дипломатический дискурс, политическая риторика, эмотивность, анализ тональности, прагматика.

Для цитирования: Насильников, Е.В., Максименко, О.И. (2026). Эмотивные аспекты дискурсивной практики цитирования в дипломатической коммуникации (на материале выступлений представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН, 1964–1965 гг.). *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(1), 27–52. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-27-52>

1. ВВЕДЕНИЕ

Эмотивность естественного языка представляет собой его конституирующую сущность. Категория передачи эмоциональных состояний человека выражается через эмоции, представленные на разных структурных уровнях языка (Шаховский, 2008). В позициях исследователей наблюдается расхождение, связанное с тем, насколько широко допускается включение психологической сферы эмоциональности в анализ языка и речевого поведения. Экстралингвистический характер эмоциональности ограничивает компетенцию лингвистов в данном вопросе, заставляя их обращаться к данным психологии, биологии и других наук, но, с другой стороны, создаёт предпосылки для теоретических дискуссий о возможностях кодирования эмоций в естественных языках. Это является причиной наличия большого количества теоретических рамок, рассматривающих разные стороны эмоциональности: от универсальных эмоций в естественном семантическом метаязыке (ЕСМ) А. Вежбицкой до культурно релятивных эмоций в подходе лингвистов-антропологов (Harkins & Wierzbicka, 2001; Ekman & Friesen, 1971; Ponsonnet, 2022). Говоря о минимальных предпосылках осмысления эмоциональности в языкознании, стоит отметить, что лингвисты, будучи приверженцами научных методов в рамках зонтичной дисциплины антропологии, полагаются на более-менее устойчивый консенсус научного сообщества относительно эволюции вида *Homo sapiens* и, следовательно, разделяют научные положения о природе высшей нервной деятельности человека, и, в частности, о существовании сигнальных систем. В этом плане эмоциональность мыслится лингвистами как некоторое свойство, доступное органам чувств, т.е. эмпирическому познанию в традиционном философском понимании (Psillos, 2008, с. 129). Так, утверждается представление о первичности эмоционального опыта по отношению к последующему проявлению и концептуализации эмоций в языке. Сами по себе эмоции мыслятся как события (или состояния) телесного (*англ.* embodied) опыта, которые способны сподвигнуть индивида на какие-либо действия (Enfield & Wierzbicka, 2002). В такой теоретической рамке за эмпирической эмоциональностью индивида следует его рациональная деятельность, в частности, выраженная языком. Будучи разумно осмысленными, эмоции находят выражение уже с помощью ресурсов языка. Таков, например, взгляд на эмоции в когнитивистике.

Многовековая западная философская традиция имеет тенденцию к противопоставлению (хотя и не в терминах полного антагонизма) широко понимаемых «разума» и «эмоциональности», что, в свою очередь, отражается на представлениях ученых (и обывателей) о превосходстве первого над вторым. В рамках данной концептуальной схемы языковая деятельность соотносится прежде всего с рациональным началом. Язык призван эффективно кодировать эмоции в соответствии со структурами мышления. Если это требование не выполняется, то эмоции в языке неизучаемы, и более того, ненаблюдаемы на эмпирическом материале.

Здесь очевидны некоторые ограничения. Лингвистика в силу распределения эпистемологических областей исследования среди наук не может пользоваться двумя из трех исторически устоявшихся взглядов на эмоции: как на опытные данные (*à la* биология), как на стимулы к действиям (*à la* психология). Третий взгляд, т.е. взгляд на эмоции как на оценочные ресурсы индивида, оказался доступным лингвистике благодаря возможности его применения к анализу функций языковых знаков при выражении эмоций¹. Например, в системно-функциональном подходе «эмоциональный язык» изучается только как одна из подсистем языка, способная к выражению оценочных значений (White, 2015, с. 779).

Для лингвистики эмоции как таковые представляют остаточный интерес, в первую очередь изучается возможность их кодирования в *языковых знаках* и осмысления в рамках семантики/прагматики.

Наконец, скажем об употреблении языка. Естественный язык как средство коммуникации предполагает наличие *социальных ситуаций* для непосредственного осуществления коммуникации. В определенных социальных ситуациях существуют особые правила инструментализации языка, например, санкционированное выражение эмоциональных значений, табу, разрешения, допущения и т.д. Эта очевидность подкрепляет тезис о превосходстве *ratio*, и, одновременно указывает на то, что носители языка полагают последний посильным регулятором эмоциональности, который способен производить некоторую «обратную связь» с нерациональными по природе эмоциями.

Описав эти предварительные теоретические положения, мы можем приступить к анализу языкового материала данного исследования на предмет наличия особых функциональных свойств для выражения эмоциональных значений. Исследуется *коммуникативная ситуация* открытого профессионального дипломатического общения (термин М.В. Белякова (Беляков, 2023б), и используемые в ней *языковые знаки* цитирования. Предполагается, что практика цитирования в дипломатическом дискурсе приоритетно реализует языковые возможности выражения эмоциональных значений. Это, в свою очередь, может быть продемонстрировано с помощью средств автоматизированного анализа, позволяющего охватить наибольший объем языкового материала.

Материалом исследования послужили тексты речей представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН. Исследуемый корпус состоит из 100 текстов. Выбор периода 1964–1965 гг. обусловлен не только структурными особенностями дипломатического дискурса, но и высокой содержательной плотностью международной повестки, отражающей ключевые конфликты и идеологические противостояния обозначенной эпохи. Речи

¹ Emotion // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/emotion/> (дата обращения: 02.03.2025).

постоянных представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН охватывают широкий спектр проблем — от региональных вооружённых столкновений до вопросов прав человека и деколонизации. Несмотря на схожий статус государств в международной системе и коммуникацию на общем (английском) языке, их официальные позиции регулярно расходились, что отражалось в различиях в коммуникативных установках и структуре аргументации. Естественно, данные различия затронули и эмотивную сторону практики цитирования.

Целью настоящего исследования является определение того, каким образом стратегии цитирования в открытом дипломатическом дискурсе функционируют в качестве средств выражения и регулирования эмотивности. В фокусе внимания находятся следующие задачи: установление доминирующих видов цитирования и выявление их эмотивной нагрузки в институциональном общении. Анализ направлен на то, чтобы понять, каким образом цитаты используются для выражения позитивной, негативной или нейтральной оценки, какие прагматические функции они реализуют, какие нормы публичной политической коммуникации они поддерживают или нарушают.

В рамках настоящей работы ставятся следующие исследовательские вопросы:

1. Какие виды цитирования преобладают в речах представителей США и Великобритании в указанный период?
2. Насколько распределение источников цитат связано с эмотивностью в дипломатическом дискурсе?
3. Отличается ли использование цитирования в речах представителей США и Великобритании по количеству примеров, типам и характеру эмотивной нагрузки?

Объектом настоящего исследования выступает цитирование как речевой акт, эмотивные характеристики которого поддаются количественному анализу без учета экстралингвистических факторов.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Статус эмотивности в дипломатическом дискурсе

В случае ООН мы можем говорить о дипломатическом дискурсе, как об особой форме медиализированного политического дискурса (в понимании Н. Феркло или Т. ван Дейка (ван Дейк, 2013)), основанной на традиции публичности политической коммуникации в западном мире (Fetzer & Reber, 2019, с. 98; Беляков, 2023а, с. 14). Важно отметить факторы, конституирующие ситуацию дипломатического общения. Дипломатический дискурс институционален, предполагает систему статусно-ролевых отношений между участниками общения, обладающими особой компетенцией, чтобы называться «дипломатами». Также указанная выше медиализированность дискурса позволяет говорить об установлении статусно-ролевых отношений между дипломатами и массовым адресатом коммуникации. Данный уровень коммуникации неоднократно становился объектом исследований в рамках анализа политического дискурса в отдельных государствах (см. Fetzer & Reber, 2019). Исследователи обращают внимание на конституирующую для данного дискурса роль специфических языковых клише и протокольных формул (Яппарова, 2016, с. 165-167). В связи с этим следует отметить ограниченность средств выражения эмотивности в дипломатическом дискурсе. Так, традиционные выразительные средства художественного дискурса (метафора, гипербола, рифма, оксюморон и др.) нечасто переносятся в реалии

дипломатии. Иногда они возникают именно в контексте цитат из классических литературных произведений, примеры чего даны в пункте 4.4. Эти средства не находятся под каким-либо запретом, но контекст дипломатической коммуникации делает их менее уместными.

Основная форма общения, в рамках которой актуализируются указанные языковые особенности, может быть характеризована понятием «переговоры». Переговоры предполагают обмен мнениями участников для достижения консенсуса по какому-либо вопросу в условиях конфликтной социальной ситуации (Перов, 2013). Институциональность дипломатического дискурса как раз проявляется в том, что процесс и результат переговоров фиксируется в языковой форме, в качестве документа. Важно отметить, что словарные определения лексемы «переговоры» иногда не передают значение конфликтности ситуации, зачастую сопровождающее употребление слова (Терентий, 2015, с. 179). Тем не менее, именно конфликтность ситуаций, актуальных для обсуждения в формате переговоров, по-видимому, является одной из определяющих причин особой санкционированности речевого поведения дипломатов. Значимость этой детали подтверждается высказываниями прескриптивного характера за авторством самих дипломатов и требованиями, закрепленными в нормативных документах дипломатических организаций, например, ООН².

Исходя из указанной выше дихотомии «разума» и «эмоциональности» закономерно предположить, что особому санкционированию подвергается именно последнее. Например, дипломат «должен быть в хорошем настроении или по крайней мере *подавлять* свое плохое настроение» (курсив наш – Н.Е.) (Терентий, 2015, с. 182). Это доказывает и анализ языковых клише, таких как «мы выражаем (глубокую, крайнюю) обеспокоенность/благодарность» и др. (Яппарова, 2016, с. 168)^{3, 4}. Несмотря на конвенциональные ограничения на демонстрацию эмоций, свести их влияние на дипломатическую риторику не представляется возможным. Прямое отражение эмоций подавляется, но эмотивные ресурсы языка сохраняются (термин «эмотивность» и производные от него приняты в отечественной традиции (Болотнова, 2022)). Это значит, что данные ресурсы могут быть использованы в отрыве от непосредственных состояний, которые они денотируют. Чтобы эффективно применять эмотивность в своей риторике, дипломаты опираются на интертекстуальный статус дипломатического текста, а также на полномочия своего рода «расширенной» языковой личности.

2.2. Практика цитирования в дипломатическом дискурсе

Дипломатический дискурс аналогично политическому снабжен интертекстуальными элементами. Вернее было бы даже сказать, что в этом дискурсе уже существующие интертекстуальные средства помещаются в особую ситуацию коммуникации, в чем и заключается суть процедуры создания интертекстуальной «цепи», дающей возможность реактуализировать прошлые высказывания в настоящем моменте речи (Мэн, 2023, с. 203). Помещение частей одного текста в контекст другого – это двойственное действие. Сначала оно создает

² Принципы и установки для ведения международных переговоров. Приняты резолюцией 53/101 Генеральной Ассамблеи ООН от 8 декабря 1998 года [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disputes.shtml (дата обращения: 02.03.2025).

³ ЮНИСЕФ выражает глубокую обеспокоенность в связи с манипулированием детьми [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.unicef.org/eca/ru/пресс-релизы/юнисеф-выражает-глубокую-обеспокоенность-в-связи-с-манипулированием-детьми-и> (дата обращения: 02.03.2025).

⁴ ТАСС. Международная панорама [Электронный ресурс]. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21492141> (дата обращения: 02.03.2025).

связь между текстами, но вторым тактом создает для заимствованного фрагмента новый контекст (Алещанова, 2000, с. 4). Некоторые исследователи даже настаивают на том, что заимствованный текст теряет изначальный смысл (Мурадян, 2020, с. 103). На наш взгляд, философское прочтение показывает обратный эффект: умножение смысла, его аккумуляцию в связи с появлением новых контекстов. Если философы, говорящие об интертекстуальности, обычно мыслят систему языка всеобъемлюще и абстрактно, то в рамках лингвистического исследования нам необходимо ограничиться конкретной наблюдаемой формой интертекстуальности, которой сознательно пользуются носители языка (Кристева, 1993, с. 5). Такой формой является цитирование⁵.

Цитирование – это формально маркированное средство реализации интертекстуальности (как в устной, так и в письменной речи) (Алещанова, 2000, с. 4). Также цитирование описывается в терминах «метарепрезентации» (Fetzer, 2020). Такая проблематизация термина относится к сфере логики (см. решение парадокса «лжец» в концепции А. Тарского (Brendel et al., 2011, с. 16). На аспекте маркированности настаивает традиция формализации цитирования, например, в изводе аналитической философии языка, дополненной языкознанием на базе средств передачи прямой и косвенной речи. В рамках данного подхода выделяются три основных и три специфических типа цитирования. Основными видами полагаются металингвистическое (чистое), прямое, не прямое цитирование (Brendel et al., 2011, с. 1):

«*Berlin*” has six letters»;

«*Quine* said: “*Quotation* has a certain anomalous feature”»;

«*Quine* said that *quotation* has a certain anomalous feature».

Далее идут смешанное, закавыченное (т.н. дистанцирующее цитирование, например, ироническое), эмфатическое цитирование:

«*Lena* said that this piece of art “is difficult to understand”»;

«*Lena*, the philistine, said in disgust that “this piece of art” is difficult to understand»;

«This piece of art is «genial»»; (сказано поклонником творчества)».

Это разделение фундаментально, но, при всей его описательной силе, все же условно. Перед всеми семантическими теориями цитирования, объясняющими сам его механизм, стоят серьезные ограничения, во многом заключающиеся в излишней сложности концептуализации процедуры закавычивания, т.е. буквально процедуры маркирования цитирования⁶.

Опишем дополнительные условия обращения к семантической теории цитирования, чтобы выбрать адекватный данному исследованию ее вариант.

⁵ Английские термины «citation» и «quotation» синонимичны и зачастую взаимозаменяемы. «Quotation», однако, может иметь отношение к кавычкам, поэтому его допустимо переводить как «закавычивание», говоря о процедуре расстановки кавычек. «Citation», с другой стороны, может соотноситься с академическими традициями цитирования, такими как APA, MLA, Chicago.

В отечественных исследованиях приводятся такие термины, как «цитирование» и «цитация» (Алещанова, 2000, с. 4). Оба употребления происходят из обыденного языка.

⁶ Исчерпывающий анализ данных теорий дается в тематическом сборнике Understanding Quotation (Brendel E., Meibauer J., Steinbach M. (eds.) Understanding Quotation. — Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. — 350 p. — (Mouton Series in Pragmatics; Vol. 7). — ISBN 978-3-11-024005-4.), а также в статье (Quotation [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/quotation/>). Дополнительно лишь обратим внимание на значимое для данной дискуссии металингвистическое разделение «использования» и «упоминания» (англ. use-mention distinction) какого-либо выражения. Так в первом примере имеет место упоминание, во втором и третьем – использование (Moore. 1986).

Как уже указывалось, дипломатией занимаются особенные политические акторы, языковые личности, наделенные как автономией, будучи полноправными участниками дискурса, так и ответственностью, будучи официальными представителями стран, политику которых репрезентируют от своего имени. Поскольку дипломатический дискурс является вариантом профессионального дискурса, то к языковой личности предъявляются повышенные требования, чтобы быть к нему приобщенным. В такой коммуникации, очевидно, осведомленность участников считается обязательной. Согласно этике своей профессии, дипломат не может просто забыть какой-то актуальный материал и не подготовиться к обсуждению заявленной темы встречи, чтобы ему потребовалась помощь в ориентации в прошлых высказываниях коллег. Обыденность общения, в рамках которого можно регулярно о чем-то переспрашивать, забывать, просить повторить о чем-то, неприемлема для дипломатии, или, по крайней мере, нежелательна. Дискурсивная компетенция должна быть настолько обширной, что требования к отдельному субъекту находятся на грани исполнимости. В свою очередь набор риторических инструментов, которыми может пользоваться дипломат, ограничен набором средств любого носителя языка. В силу этого и приходится говорить о некой «расширенной» языковой личности. О самом понятии языковой личности см. (Иванцова, 2012). Строгие ограничения и постоянно растущая комплексность дискурса вынуждают дипломатов прагматически максимизировать эффективность существующих языковых ресурсов, при поверхностном соблюдении максим кооперации и вежливости, что вполне в духе целей политического дискурса (Leech, 2014, с. 90, Карасик, 2000).

Из пяти достаточно разработанных теорий цитирования (*proper name th.*, *description th.*, *demonstrative th.*, *disquotational th.*, *identity th.*) только две (*demonstrative th.* и *identity th.*) в своих базовых описаниях удовлетворяют требованию учета данных прагматических ориентаций в речевом поведении⁷. Со своей стороны, мы могли бы настаивать на принятии *identity theory* с оговорками, представленными в работе «*The Act of Quotation*» (Saka, 2011).

Переноса внимание с цитирования на говорящих субъектов, иницирующих речевой акт цитирования, автор предлагает принять факт референциальной неопределенности цитаты, а также настаивает на важности прагматического знания для расшифровки цитаты в любой коммуникативной ситуации (Saka, 2011, с.303-304, 312). Содержание цитаты может обозначать типы, токены, высказывания и проч., поэтому смысл цитаты зависит от конкретного случая ее употребления⁸. Даже принимая данную точку зрения, не стоит забывать, что она не решает всех вопросов, касающихся природы акта цитирования. Позиция *ad hominem*, от языковой личности в теории речевых актов усиливается благодаря факту, что существующие теории не могут непротиворечиво описать структуру феномена цитирования (Saka, 2011, с. 319). Однако поворот к прагматизму необязательно свидетельствует о теоретическом преимуществе. Скорее, его можно интерпретировать в качестве реакции на сложность формально-семантического описания цитирования.

Становится ясным, что в случае открытого профессионального дипломатического дискурса, когда у участников общения есть заготовленные выступления и источники «на руках», прямая цель цитирования – внедрение новой информации, имеющей отношение

⁷ Quotation [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/quotation/>

⁸ См. Quotation [Электронный ресурс] // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. — URL: <https://plato.stanford.edu/entries/quotation/>.

к прошлому – зачастую становится неактуальной. Так мы приходим к пониманию того, что цитирование в исследуемом нами контексте должно выполнять и другие функции, помимо функции чистой референции к ранее сказанным словам.

Еще М.М. Бахтин отмечал, что, как ни парадоксально, в жизни люди говорят о том, о чем говорят другие. В такой картине речевого поведения, суть коммуникации заключается в высказывании собственного *отношения* к речи Другого (Bublitz, 2015, с. 1). Более того, добавочная ценность средства цитирования состоит в возможности подспудно выразить отношение и к самому Другому как автору каких-либо слов (Bublitz, 2015, с. 13). Цитирование в политическом и дипломатическом дискурсах, однако, принципиально отличается от цитирования в сфере искусства или науки. Так требования фикциональности в художественной литературе дают писателю возможности трансформировать цитаты на собственное усмотрение, следуя за нуждами образности, за логикой создания факта искусства: лексически, грамматически, etc. (Темботова, 2011, с. 172). Особой формой цитирования, интересно сближающей науку и искусство, является выражение благодарности (англ. *acknowledgement*), когда сам факт создания и презентации произведения частично атрибутируется другим людям. Однако чаще всего исследуется именно выражение благодарности в научном контексте (Salager-Meyer, 2009).

Дискурс, ориентированный на некоторое реальное положение вещей, отвечает другим требованиям. Здесь на цитирование накладываются ограничения, от которых зависит информационная ценность цитаты (Алешанова, 2000, с. 5). Так в научном дискурсе оригинальные контексты всех цитат должны быть доступны для проверки (англ. *retrievable*). В широко понятом политическом дискурсе это правило обычно соблюдается не так последовательно, но в дипломатическом дискурсе наблюдается очевидное сближение с наукой. Существуют особенные процедуры фактчекинга, основанные на требованиях к *уместности* и *точности* цитирования. На этих правилах цитирования, например, построены статьи в глобальной онлайн-энциклопедии «Википедия»⁹. Более того, отрыв от устной речи в научной среде послужил причиной прагматических изменений в практике цитирования – распределению функциональных типов цитат¹⁰. Эта ситуация практически диаметрально противоположна дипломатическому дискурсу.

Всё же в дипломатии есть некоторый научный аспект, который заключается в этическом положении следования «правде», аналогично научному следованию «истине» (Терентий, 2015, с. 184). Если «истина» содержится в объекте научного исследования, которым занимаются ученые, то дипломатическая «правда» должна быть представлена субъективно, то есть в словах конкретной языковой личности, которой и является дипломат. Одной из характеристик такой личности как раз выступает эмоциональность, отражаемая в эмотивных маркерах в речи.

Говоря о политическом дискурсе, исследователи упоминают неосвязаемые формы ценности – символический капитал по П. Бурдьё (Мартиросян, 2014, с. 36). Так цели акта цитирования заключаются в переработке некоторого «лингвистического капитала». Например,

⁹ Википедия: Цитирование [Электронный ресурс] // Википедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Википедия:Цитирование> (дата обращения: 02.03.2025)).

¹⁰ «...five function types: Background, Problem Statement, Method, Results, and Limitations» (Kunnath, 2021, с. 1174). Здесь же стоит отметить, что исследования показывают, что многие цитаты вовсе излишни, т.е. лишены какой-либо функции (Kunnath, 2021, 1171).

целью может быть повышение статуса высказывания, его дискредитация, а также выражение нейтрального отношения (Naaränen, 2024). В этом свете можно толковать, каким образом идиостили отдельных политиков складываются благодаря (или даже вопреки) сложившемуся исторически политическому дискурсу в государственных структурах (например, см. Мартьянов, 2012).

Стоит упомянуть, что еще одно различие политического и научного дискурсов состоит как раз в использовании цитат. Исследования показывают, что цитирование в науке все реже оказывается оценочным. По всей видимости, причиной тому могут быть некоторые репутационные риски при вынесении открытой оценки труду коллег, т.е. возможность потери символического капитала, что может сказаться на академической карьере какого-либо ученого (Hyland & Jiang, 2019). Однако для подобных выводов требуются более глобальные исследования.

Сама по себе дискурсивная практика цитирования не обязана передавать эмотивные элементы, но прагматически ей может сопутствовать оценочный аспект. Основные дискурсивные стратегии цитирования можно вывести из положения о лингвистическом капитале. Большинство исследователей согласны друг с другом в том, что основные дискурсивные стратегии – это согласие, несогласие, и информирование (Feldman & Kinoshita, 2024, Alkhawaldeh, 2024, Fetzer, 2015). Этим трем базовым видам дискурсивных стратегий соответствуют три вида оценки – положительная, отрицательная и нейтральная.

В наукометрии существуют схожие наработки по sentiment-анализу контекстов цитирования. Аналогично представленным видам оценки в них наблюдается разделение на поддерживающее, контрастирующее и упоминающее цитирование (Nicholson, 2021, с. 882, Alnowaiser, 2024). Однако сами исследователи подчеркивают, что для принятия убедительного решения о полезности sentiment-анализа цитирования в науке необходимо расширять корпус примеров и на другие дискурсы, иначе данные могут оказаться искаженными и неприменимыми к мультидисциплинарным работам. Сейчас в данной сфере преобладают исследования по компьютерным наукам и биомедицине (Kunnath, 2021, с. 1210). В нашем исследовании предлагается вариант расширения сферы применения количественных методов sentiment-анализа на дипломатический дискурс, ничуть не менее богатый, чем представленные выше научные дискурсы.

3. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводится на базе корпуса из 100 текстов речей постоянных представителей США и Великобритании в Совете Безопасности ООН, которые были извлечены с сайта Цифровой библиотеки ООН по методу сплошной выборки, вручную транскрибированы в текстовый формат «Word». Для каждой из упомянутых стран было обработано по 50 текстов постоянных представителей за период 1964-1965 гг. Исследуемый период охватывает обсуждение целого ряда международных проблем, в обсуждении и решении которых обе страны принимали активное участие: Кипрский вопрос, политика апартеида в Южной Африке, кризис в Конго, жалоба представителей Камбоджи на агрессию США, процесс деколонизации (в ходе которого Великобритания потеряла статус метрополии), расширение состава ООН. Риторика данных выступлений наполнена примерами формализованного цитирования, апелляций к уставным документам. Средний объем исследуемых текстов составил ~1314,87 слов (7188,67 знаков). Для речей постоянных представителей США – 1424,64 сл. (8544,90 зн.); Великобритании – 1205,10 сл. (5832,44 зн.).

Для анализа общей эмотивности текста использовались специально разработанные программы на базе лексиконов SentiWordNet и VADER, приспособленных к sentiment-анализу. Соответственно представленным средствам анализа в работе изучаются лексико-семантические эмотивы. Релевантность использования данных лексиконов обусловлена предметом анализа – на лексическом уровне эмотивность выражается с помощью лексем с фиксируемой полярностью. Поскольку оба инструмента позволяют фиксировать наличие позитивных, нейтральных и негативных эмотивных компонентов, они соотносятся с поставленной целью выявления оценочной функции стратегий цитирования.

SentiWordNet и VADER были выбраны в качестве инструментов для анализа эмотивности преимущественно из-за их точности и совместимости с корпусами ограниченного объема. SentiWordNet основан на базе WordNet и присваивает каждому синонимическому ряду (*англ.* «synset») три коэффициента: положительный, отрицательный и нейтральный. Это позволяет количественно фиксировать полярность отдельных лексем вне контекста их употребления. VADER, в свою очередь, использует заранее составленный лингвистами словарь с эмпирически выверенными значениями и учитывает такие детали, как пунктуация, модификаторы (к примеру, *англ.* «very», «not») и даже лексикон эмодзи (данная функция не является релевантной для целей настоящего исследования). Он оптимизирован для работы с социально-политическими текстами, кроме того, пригоден для конверсационного анализа. Применение двух этих инструментов в тандеме позволяет компенсировать ограничения каждого из них: SentiWordNet точно улавливает базовую эмотивность слов, а VADER — реализацию эмотивности в реальной коммуникативной ситуации.

Постараемся обосновать выбор именно этих лексиконов в сравнении с наиболее известными аналогами: BERT, TextBlob и LIWC. В отличие от других решений, таких как BERT-модели, SentiWordNet и VADER не требуют предварительного обучения на обширной выборке корпусов и хорошо подходят для обработки текстов средней длины без явного противоречия в интерпретируемых результатах. Кроме того, если SentiWordNet по функциональности аналогичен своим альтернативам – TextBlob и LIWC, то дополняющий его VADER значительно отличается от данных лексиконов и выбран, чтобы предоставить иную перспективу анализа. Надежность и эффективность данных инструментов анализа эмотивности не раз демонстрировались в работах, посвященных политическому дискурсу. Например, SentiWordNet использовался в контексте избирательных кампаний (Esuli & Sebastiani, 2006, Miranda et al., 2019), а VADER – в работах о политической риторике в социальных сетях (Bonacchi et al., 2024).

Результаты анализа, полученные с помощью SentiWordNet и VADER, в большинстве случаев демонстрируют высокую степень согласованности, что доказывает их общую совместимость. Достоверность результатов обеспечивается сопоставлением данных на выходе: совпадение результатов говорит о корреляции оценок. При расхождении результатов приоритет отдается VADER, поскольку данная программа более чувствительна к контекстуальным связям в тексте. Важно отметить, что в случаях расхождения именно VADER чаще регистрировал отрицательную окраску, основанную на контекстуальном дистанцировании. Это подтверждает чувствительность VADER к прагматическим нюансам высказывания. Возвращаясь к указанным выше альтернативным путям анализа эмотивности, скажем, что расширение арсенала инструментов анализа в последующих работах, как минимум, уточнит средние показатели эмотивности текстов исследуемого корпуса.

Использование двух инструментов необходимо для демонстрации вариативности формального оценивания эмотивно нагруженных лексем. Для количественного анализа текстов использовался алгоритм подсчета частотности слов WordCounter. Этот инструмент служил преимущественно для определения доли цитированных фрагментов в исследуемых текстах. Последовательно обозначим использованные в исследовании методы: сплошная выборка текстов (1964-1965 гг.); корпусный анализ – сбор и обработка корпуса дипломатических речей для последующего анализа стратегий их использования; метод автоматизированного сентимент-анализа – определение эмотивной окрашенности текстов; метод частотного анализа – выявление закономерностей в употреблении различных видов цитирования; прагматический анализ – для определения характера следования принципам кооперации и вежливости; речеактный анализ – для определения контекстуального значения цитат и перлокутивных эффектов цитирования соответственно. Дискурс-анализ используется для интерпретации ролей участников коммуникации (например, при самоцитировании, §4.3.) и позиционирования в социальной ситуации общения (например, при поддержке какой-либо точки зрения или в противостоянии ей, §4.5.). Отдавая дань уважения традиционным видам семантического и функционально-стилистического анализа, отметим, что в данной работе приоритет отдается установлению частотных показателей эмотивной оценки в дипломатическом дискурсе. Элементы семантического и функционально-стилистического анализа, однако, сохраняются на уровне анализа эмотивной коннотации лексем (например, в синонимическом ряду «reprisal–retaliation–self-defence») и при интерпретации стилистических норм дипломатического дискурса как в теоретической части (§2.2.), так и в практической (§4.2.).

4. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

4.1. Статистика цитирования по корпусу

Прежде всего рассмотрим степень распространённости дискурсивной практики цитирования в открытом дипломатическом дискурсе. Анализ показывает, что 69 % исследованных текстов содержат цитированные фрагменты, как эксплицитно маркированные кавычками, так и выраженные в форме не прямой речи. В среднем объем цитат на текст достигает ~86 слов. Минимальная и максимальная доли прямых цитат в отдельных текстах составили 0,06 % и 39,71 % соответственно. Средний показатель объема текста, который занимают прямые, маркированные кавычками цитаты, – 6,39%. Исходя из этих показателей, мы можем сделать вывод о приемлемости практики цитирования в дипломатическом дискурсе, о ее систематическом использовании. Полученные данные позволяют перейти к детальному анализу массива цитат, разделенного по разным категориям.

4.2. Прагматика выражения эмотивности в разных видах цитирования

Таблица 1. Частотность видов цитирования в корпусе дипломатических речей

	Металингвистическое (чистое)	Прямое	Непрямое	Смешанное	Закавыченное	Эмфатическое
USA	1	84	2	0	38	1
UK	2	65	28	8	1	0

В дискурсе как постоянных представителей США, так и Великобритании самым распространенным видом цитат оказались прямые цитаты. Этот вид цитирования полноценно удовлетворяет требованию доказательности речи в контексте институционального общения. Прямая цитата, однако, должна происходить из доступного всем участникам коммуникации источника, чтобы соответствовать стандартам открытого дипломатического дискурса. Проведенный анализ показывает, что данное условие выполняется во всех случаях. Цитаты нередко снабжаются сносками, указывающими на источник. Большинство цитат имеют форму последовательности предложений, что, как минимум, указывает на то, что обсуждению подвергаются не столько отдельные терминологические единицы или правовые формулировки, но мнения, выраженные в форме текста как сверхфразового единства. Прямые цитаты из документов ООН, международных соглашений и предыдущих речей служат прагматическим маркером достоверности информации. Постоянный представитель, ссылаясь на проверяемый источник, демонстрирует соответствие грейсианской максиме качества. Прямая цитата выступает как фрагмент текста, с которым *нельзя* не согласиться.

Менее очевидной причиной предпочтения прямого цитирования можно считать желание избежать подозрений в плагиате. Однако представляется, что такое объяснение более уместно касательно сферы политического спичрайтинга (Mobleу, 2018).

Автоматизированный анализ эмотивности прямых цитат возможен при разделении контекстов на внутрцитатные и внецитатные. Так получается отделить эмотивные показатели цитированного текста от эмотивных показателей нового текста и указать на возможные «перепады» между ними, отражающие отношение говорящего. Однако вывод из показателей эмотивности так или иначе придется делать дискурс-аналитику, поскольку для определения дискурсивной стратегии говорящего требуется учет большого количества прагматических факторов, пока что недоступных качественному анализу. Количественный анализ в данном случае работает как подспорье для углубленного семантического анализа. В результате автоматизированного анализа не было выявлено каких-либо закономерностей или однозначных тенденций в эмотивной оценке прямых цитат.

Пример прямого цитирования:

«My Government's view on the settlement of the Kashmir problem was stated in the British Parliament in December 1956 by the Under-Secretary of State for Commonwealth Relations in the following terms: 'Her Majesty's Government have always hoped that this dispute would be settled by agreement between the two countries... '» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1086).

Прямая цитата заняла первое место по частотности у представителей обеих стран, но второе место заняли разные формы. Представители Великобритании чаще использовали не прямое цитирование. Автоматизированный анализ эмотивной оценки не прямых цитат также не показал каких-либо закономерностей или однозначных тенденций. Пример:

«The Secretary-General merely repeated assertions made by the Yemeni Republican authorities and the United Arab Republic that supplies are being introduced from the Beihan area» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1161).

Постоянные представители США, в отличие от своих коллег из Великобритании, значительно чаще использовали заковычивание как средство дистанцирования от цитируемых слов, а не как инструмент референции. Пример:

«If I understood his sometimes obscure and generally offensive language, the Soviet representative has asked me for a clear and unambiguous answer to the question whether the policy of the United States in South-east Asia is «more peace» or «more war». I am very glad to answer his question by repeating what I said here in the Council the other day, and perhaps it

would save us time hereafter if my colleague from the Soviet Union listened to what I said. Or, I wonder if perhaps that would spoil the effect of his rhetorical mythology. A wise man once said in this country that there is nothing more horrible to witness than the murder of a beautiful myth by a horrible fact» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1161).

За редким исключением такое дистанцирование означает отрицательное отношение к сказанному, отрицательную эмотивную окраску. В кавычки в таком случае часто помещаются уже эмотивно окрашенные слова, а целью такого цитирования можно назвать как раз избавление от эмотивной окрашенности или изменение ее “знака” на положительный. В представленном выше примере дипломат смягчает негативную эмотивную окраску вопроса о военных действиях, помещая его в общий нейтрально-положительный эмотивный контекст, что подтверждается автоматическим анализом эмотивности.

С помощью такого контрастного цитирования дипломат показывает несовместимость прошлых утверждений оппонента с текущим контекстом высказывания, сигнализируя другим участникам коммуникации о том, что последний нарушает грайсианские максимы релевантности и ясности.

Металингвистическое цитирование применялось достаточно редко в данном корпусе текстов, в основном для прояснения терминологии. Так, дипломат цитирует слова «retaliation» и «reprisals» из Хартии ООН, с целью прокомментировать то, что отдельные термины с сильной коннотацией были выбраны другими участниками коммуникации для представления военных действий страны неоправданно агрессивными (сноски 11-12 указывают на документы, в которых оба слова введены как термины; к корпусу исследования эти источники имеют только опосредованное отношение, поэтому цитаты из них не приводятся^{11, 12}):

«One, which is of a retributive or punitive nature, is termed ‘retaliation’ or ‘reprisals’; the other, which is expressly contemplated and authorized by the Charter, is self-defence against armed attack. The term ‘counter-attack’ has perhaps led to some misunderstanding» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1109).

На первый взгляд, обсуждение самих слов (чем и является металингвистическое цитирование) не так просто вписать в эмотивный контекст, поскольку их семантика должна рассматриваться абстрактно, вне зависимости от отношения говорящего субъекта. Тем не менее, общий контекст высказывания всегда дает понять, кому из оппонентов в коммуникации может быть приписано использование данных слов, а замена одних терминов другими почти всегда будет служить выражением недовольства первыми. В изложенном выше случае, термины же оцениваются нейтрально, так как происходят из документа, статус которого не подлежит открытому оспариванию. Между металингвистическим и дистанцирующим цитированием формально провести четкую границу не так просто. Можно сказать, что даже в случае открытого оценивания металингвистическое цитирование остается достаточно нейтральным относительно дистанцирующего цитирования. Возвратимся к примеру выше:

«The term ‘counter-attack’ has perhaps led to some misunderstanding»;

¹¹ United Nations. (1985). Repertory of practice of United Nations organs: Supplement No. 3 (1959–1966), Article 51. United Nations. https://legal.un.org/repertory/art51/english/rep_supp3_vol2_art51.pdf

¹² United Nations International Law Commission. (1980). Report on the work of its thirty-second session (5 May – 25 July 1980). United Nations. <https://digitallibrary.un.org/record/607987?v=pdf&ln=ru>

«One, which is of a retributive or punitive nature, is termed ‘retaliation’ or ‘reprisals’; the other, which is expressly contemplated and authorized by the Charter, is self-defence against armed attack» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1109).

В обоих случаях речь идет о значениях слов в кавычках, но во втором примере эксплицитно выражено оценочное отрицательное отношение языковой личности. Количественный анализ эмотивности также показал, что пример №2 окрашен более негативно.

4.3. Эмотивный аспект самоцитирования

Таблица 2. Частотность источников цитирования по параметру «самоцитирование – цитирование других источников»

	Самоцитирование	Цитирование других
USA	14	113
UK	31	73

В обоих случаях можно наблюдать, что цитирование чужих слов является приоритетной задачей использования этого средства. Самоцитирование встречается гораздо реже, но его дискурсивная задача также подлежит исследованию, так как его распространенность даже в таких небольших количествах не коррелирует с нашей гипотезой о том, что основной целью цитирования является выражение отношения к сказанным словам (в частности, выражение эмотивной оценки). Также существует устоявшаяся точка зрения, согласно которой, редкость самоцитирования объясняется соблюдением коммуникативной максимы скромности (Fetzer & Reber, 2019, с. 106).

Во-первых, эмотивное окрашивание собственных слов, представленных в самоцитировании, возможно. В рамках политического дискурса повторение собственных слов и их реконтекстуализация является частью «политического брендинга», создания положительного имиджа (Fetzer & Reber, 2019, с. 98). Все контексты самоцитирования, что ожидаемо, имеют семантический контекст поддержки, что подтверждают и другие исследования помимо нашего (Fetzer & Reber, 2019, с. 106). Столкнувшись с критической оценкой сказанного или даже при желании подтвердить правоту своих слов, дипломаты действуют совершенно закономерно, сохраняя за собой право на свою «правду»; функционирование этого означающего в дипломатическом дискурсе мы описывали выше. Подобным актом цитирования субъект пытается продемонстрировать свою приверженность грейсианской максиме качества, принципу кооперации (Grice, 1975). Подобная процедура подтверждения собственных слов вынужденно сопрягается в языке с положительной оценкой, о чем можно судить по существующим способам анализа полярности высказывания (*англ.* polarity analysis), согласно которым утвердительное предложение по определению носит оттенок положительной оценки (Demiroz. 2012). Традиционная риторика, однако, благополучно обходит такие закономерности ради дополнительной экспрессивности. Например, фигура риторического вопроса предполагает трансформацию утвердительного предложения в вопросительное без отказа от утвердительности (e.g. «Разве же я не прав?»).

Тем не менее, вопрос о природе самоцитирования стоит для анализа эмотивности подобных случаев весьма остро по одной простой причине: дипломат всегда фундаментально расщеплен как субъект высказывания. Корпусные данные демонстрируют, что он может обращаться с использованием местоимений 1 л. ед.ч. или мн.ч. (коллективное самоцитирование), может говорить о стране, которую представляет, в 3 лице с *verbum dicendi*. О прочих

примерах подобного расщепления в контексте политического дискурса см. Fetzer & Reber (2019, с. 109). Сужать область исследования до обычного цитирования дипломатами своих собственных слов, без учета данного нюанса, кажется слишком ограничивающей мерой.

Чисто гипотетически, можно представить себе ситуацию, когда дипломат эксплицитно говорит о том, что он не поддерживает заявления правительства своей страны, оставаясь ее представителем и защитником интересов по какому-либо вопросу, т.е. одновременно выражает согласие и несогласие. Однако такой диссонанс, очевидно, нежелателен.

Принципиально важная роль цитирующего субъекта (*англ.* *quoter*) и его эмотивный «вклад» в высказывание подлежат более точному определению с учетом его расщепленности между разными социальными ролями (Fetzer & Reber, 2019, с. 105). Возможным подспорьем для такого анализа является теория фреймов И. Гофмана. Анализ фреймов (он же рамочный анализ) позволяет отойти от упрощенной бинарной схемы референта и цитации в схеме медиа коммуникации (Fetzer & Reber, 2019, с. 102). Выделение ролей аниматора, автора и управляющего (*англ.* *animator, author, principal* – перевод наш.) в анализе фреймов позволяет объяснять смену ролей при цитировании и потенциально может объяснять даже абсурдные на первый взгляд перипетии эмотивности, например, отказ от прежних ролей или высказываний (Goffman, 1981). Однако в представленном корпусе текстов подобных случаев обнаружено не было.

4.4. Зависимость эмотивной оценки от источника цитаты

Таблица 3. Частотность источников цитирования по параметру цитирование дипломатов – цитирование других источников

	Дипломаты	Другие источники
USA	43	84
UK	57	47

Также, важно узнать, насколько источники цитат в дипломатическом дискурсе отличаются от источников цитат в обыденной речи и в политическом дискурсе в рамках внутренней государственной политики. Последнее исследуется на материале национальных корпусов. Анализ, проведенный в сопоставительном ключе, может изменить взгляды на традиционное представление о статусе дипломатического дискурса в ряду институционализированных и повседневных дискурсов.

Так, на основе сопоставления с данными Cambridge International Dictionary of English и исследованиями политического дискурса можно выделить следующие типичные источники цитирования (здесь мы не учитываем цитирование именно дипломатов, см. выше) (Минаева, 2014, с. 25-26):

Таблица 4. Частотность цитирования особых корпусов текстов

	Худ. лит-ра	Шекспир	Религиозные тексты	Знаменитости	Кино	СМИ	Музыка	Реклама	Расхожие выражения
US	0	1	1	2	0	4	0	0	2
UK	0	1	0	1	0	1	0	0	1

Продолжение таблицы 4.

	Политики страны дипломата	Политики др. стран	Деятели искусства	Офиц. док-ты, в том числе док-ты ООН	Рядовые граждане
US	7	17	0	37	0
UK	5	10	0	31	0

Тенденции цитирования в данном случае совершенно закономерны, они ближе к политическому дискурсу, нежели к обыденному языку. Детальный анализ контекстов примеров, посчитанных в таблицах выше, позволяет сказать, что дипломатический дискурс работает с «убедительностью» более ограничено. Основной источник доказательности – это договоры между странами или в пределах ООН, т.е. то, что изначально составляет предпосылки общения между дипломатами или вырабатывается в ходе коммуникации, чтобы стать предпосылкой последующей коммуникации, или чтобы устранить саму причину общения (например, конфликтную ситуацию). Однако не все источники ссылок представляют авторитеты для дипломатов. Однозначно положительно или нейтрально оцениваются источники: Шекспир, религиозные тексты, знаменитости, расхожие выражения (пословицы, поговорки), политики страны дипломата, большинство документов (уже принятые документы). Автоматический анализ других источников не показал каких-либо ярко выраженных закономерностей.

Приведем следующие примеры:

«And as we fervently wish the Mediator well, perhaps I may quote Shakespeare's words. When one of my predecessors as Governor of Cyprus, Othello, sailed into Famagusta harbour, the people of Cyprus cried: «Bring renewed fire to our extincted spirits and give all Cyprus comfort»» (United Nations Security Council, 1965, S/PV.1202).

«And I recall, too, a Danish proverb, which has its equivalent in all countries, I dare say, that «Empty wagons make the most noise»» (United Nations Security Council, 1964, S/PV.1185).

4.5. Общая эмотивная окраска текстов и семантические контексты цитат

Таблица 5. Частотность семантических контекстов цитирования

	Контекст поддержки	Контекст упоминания	Контекст противопоставления
USA	41	24	62
UK	46	45	13

Анализ по SentiWordNet и VADER показал, что подавляющее большинство текстов носят общую положительную эмотивную окраску, или, по крайней мере, практически нейтральны по совокупности положительных и отрицательных маркеров эмотивности. Только 4% и 9% текстов по SentiWordNet и VADER соответственно показали общую отрицательную эмотивную окраску. Некоторые из них также находятся на границе с нейтральностью. Отдельные контексты цитирования в представленных текстах достаточно однозначно оцениваются в сторону положительности или отрицательности. Нейтральные контексты обыкновенно оцениваются вслед за общей положительной окраской, поэтому без учета этой категории нам пришлось бы говорить об абсолютном преимуществе положительной эмотивной окраски.

Рассмотрим дискурсивные стратегии постоянных представителей, которые оценивались в опоре на автоматически проанализированные показатели эмотивности. Особенно значительная разница наблюдается при сравнении количества контекстов противопоставления цитируемому материалу. По этому параметру у американских постоянных представителей

контекстов в 4,7 раза больше, чем у британских. Также следует отметить, что таких контекстов больше, чем контекстов поддержки, что прямо противоположно показателям постоянных представителей из Великобритании.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показывает, что специфика речей постоянных представителей США и Великобритании за 1964–1965 гг. тесно связана с политическим контекстом рассматриваемого периода. Стратегии цитирования и выражения эмотивности активно применялись в ситуациях, требующих баланса между правовой корректностью и политической риторикой. Риторика представителей США была более полемичной и эмотивной, в то время как постоянные представители Великобритании стремились к большей нейтральности и общей «протокольности». Такое различие объясняется разными внешнеполитическими приоритетами двух стран в ключевых вопросах повестки. Так, жалоба Камбоджи поставила представителей США в оборонительную позицию, что спровоцировало достаточно затянувшуюся полемику; представители Великобритании по множеству из представленных тем чаще занимали нейтральную или посредническую дискурсивную позицию. Главенствующее положение обеих стран в ООН в то время позволяло постоянным представителям выстраивать коммуникацию с другими представителями с позиции нейтральности и объективности даже при выражении эмотивных значений, для чего как раз использовался инструмент цитирования. Таким образом, временной срез 1964–1965 гг. позволяет отследить риторические особенности и выявить механизмы дипломатического позиционирования через цитирование и сопутствующие ему оценочные средства.

Обратимся к практической части исследования. Параграф 4.1. демонстрирует, что цитирование является систематически реализуемой практикой в рамках дипломатического дискурса. В пункте 4.2. доказывается, что с отдельными видами цитирования коррелирует некоторая эмотивная стратегия. Так, прямая и непрямая цитаты могут быть лишены ярко выраженной эмотивной окраски, при том, что в дипломатическом дискурсе прямая цитата служит указателем на соблюдение коммуникативной максимы качества. Практика дистанцирующего цитирования, с другой стороны, используется для смягчения отрицательной эмотивной окраски цитаты. Металингвистическое цитирование чаще всего используется для комментирования авторитетных дипломатических источников, поэтому эмотивная оценка в таких случаях нейтральна или положительна. Несмотря на достаточно низкую частотность, практика самоцитирования в дипломатическом дискурсе тоже играет немалую роль в качестве инструмента подтверждения правоты дипломата, на что указывает анализ в параграфе 4.3. Сообразно этой прагматической функции эмотивная окраска отчетливо положительная. В подразделе 4.4. было продемонстрировано, что эмотивная окраска следующих источников цитат, как правило, положительна: Шекспир, религиозные тексты, знаменитости, расхожие выражения, политики страны дипломата, большинство принятых в ООН документов. Таким образом, можно сказать, что дипломаты имеют в распоряжении некоторый собственный корпус источников цитирования, эмотивная оценка которых зафиксирована. Цитаты из такого корпуса используются дипломатом для укрепления своей дискурсивной позиции в профессиональной коммуникации. Наконец, представленный в параграфе 4.5. общий анализ эмотивной нагрузки исследуемых текстов на основе SentiWordNet и VADER указал на преобладание положительной эмотивной оценки по всему корпусу. Только 9% текстов имели общую негативную эмотивную окраску. Этот результат подтверждает соображение

о сдержанности дипломатического дискурса в вопросе открытого выражения языковой эмотивности. В то же время ручной анализ конкретных контекстов показывает, что полемическая стратегия может быть реализована даже в рамках текста с общей позитивной эмотивной оценкой. На материале анализа контекста цитат и их эмотивных характеристик можно также сделать вывод о различии дискурсивных стратегий дипломатических представителей США и Великобритании в 1964-1965 гг. Риторика американских дипломатов в большей степени допускает полемику и выражение несогласия, в то время как риторика британских дипломатов более эмотивно нейтральна.

Не забывая о данных выводах, все же следует отметить сложности в вопросе анализа семантических контекстов цитат. Во-первых, золотого стандарта такого анализа нет, поскольку на данный момент не существует достаточного количества сравнительных исследований по цитированию на материале больших корпусов (Kunnath, 2021, с. 1208). Во-вторых, сложно точно определить необходимый размер контекстного окна, рамки которого будут определять границы эмотивного контекста или его отсутствие. Способов фиксировать контекстное окно достаточно много. Их эффективность, однако, еще только предстоит доказать (Kunnath, 2021, с. 1994).

Особую сложность для анализа представляют и некоторые нетривиальные способы цитирования. Ирония или эмфатическое закавычивание до сих пор недостаточно формализованы, чтобы их анализ стал алгоритмическим.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алещанова И. В. Цитация в газетном тексте: на материале современной английской и российской прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Волгоградский гос. пед. ун-т. — Волгоград, 2000. — 18 с. — URL: <https://studfile.net/preview/3302335/page:4/> (дата обращения: 30.01.2026).
2. Беляков М. В. Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 5.9.8 / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — Москва, 2023. — 48 с.
3. Беляков М. В. Проблема утраты эмотивности при переводе (на материале перевода официальных выступлений постоянных представителей Российской Федерации в ООН) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2023. — Т. 21, № 1. — С. 212–217. DOI:10.31079/1992-2868-2023-20-1-212-216
4. Болотнова Н. С. Концепция эмотивности В. И. Шаховского в контексте исследований по коммуникативной стилистике текста // Известия ВГПУ. Серия: Филологические науки. — 2022. — № 1 (136). — С. 197–203. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-emotivnosti-v-i-shahovskogo-v-kontekste-issledovaniy-po-kommunikativnoy-stilistike-teksta> (дата обращения: 30.01.2026).

5. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с.
6. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Филология и культура. — 2012. — № 12. — С. 24–30. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-yazykovaya-lichnost-istoki-problemy-perspektivy-ispolzovaniya> (дата обращения: 30.01.2026).
7. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. — Волгоград ; Саратов : Перемена, 2000. — С. 5–20.
8. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. — 1993. — № 4. — С. 5–6.
9. Мартиросян К. М. Концепция символического капитала в современной социологии // Культурная жизнь Юга России. — 2014. — № 4 (55). — С. 35–37.
10. Мартыанов В. С. Дискурс цитирования в риторике российских элит // Политическая лингвистика. — 2012. — № 1. — С. 120–126.
11. Минаева Л. В. Об интертекстуальности и гипертекстуальности политического дискурса // Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество). — 2014. — № 2. — С. 15–30.
12. Мурадян А. А. Политический дискурс сквозь призму литературных цитаций // Язык и текст. — 2020. — Т. 7, № 4. — С. 99–106. — DOI: 10.17759/langt.2020070408.
13. Мэн Ж. Сравнительное исследование интертекстуальности в российском и китайском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. — 2023. — № 5 (101). — С. 202–209. — URL: https://politlinguistika.ru/images/5-2023/_2023_5_101-202-209.pdf (дата обращения: 30.01.2026).
14. Перов Е. В. Теория и анализ социальной конфликтности общества // Вопросы безопасности. — 2013. — № 5. — С. 67–141. — DOI: 10.7256/2306-0417.2013.5.2308.
15. Темботова Е. В. Цитирование как дискурсивная стратегия // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : сб. науч. тр. — Владикавказ, 2011. — Вып. 13. — С. 170–173.
16. Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма научной коммуникации // Вопросы психолингвистики. — 2015. — № 24. — С. 176–185. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23641287> (дата обращения: 30.01.2026).
17. Шаховский В. И. Что такое лингвистика эмоций // Мир лингвистики и коммуникации. — 2008. — № 12. — URL: http://tverlingua.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm (дата обращения: 30.01.2026).
18. Яппарова В. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования // Филология и культура. — 2016. — № 2 (44). — С. 165–170. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskij-diskurs-kak-obekt-mezhdistsiplinarnogo-issledovaniya> (дата обращения: 30.01.2026).
19. Alkhalwaldeh A. A. Quotations in Jordanian Parliamentary Discourse: A Pragma-Discourse Perspective // Not My Words. The Language of Politics / ed. O. Feldman. — Singapore : Springer, 2024. — P. 23–41. — DOI: 10.1007/978-981-97-9789-9_2.
20. Alnowaiser K. Scientific text citation analysis using CNN features and ensemble learning model // PLoS ONE. — 2024. — Vol. 19, no. 5. — Art. e0302304. — DOI: 10.1371/journal.pone.0302304.

21. Bonacchi C., Witte J., Altaweel M. Political uses of the ancient past on social media are predominantly negative and extreme // *PLoS ONE*. — 2024. — Vol. 19, no. 9. — Art. e0308919. — DOI: 10.1371/journal.pone.0308919.
22. Brendel E., Meibauer J., Steinbach M. Exploring the Meaning of Quotation // *Understanding Quotation* / ed. E. Brendel [et al.]. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. — P. 1–25. — DOI: 10.1515/9783110240030.1.
23. Bublitz W. Introducing Quoting as a Ubiquitous Meta-communicative Act // *The Pragmatics of Quoting Now and Then* / ed. J. Arendholz [et al.]. — Berlin : De Gruyter, 2015. — P. 1–24.
24. Demiroz G., Yanikoglu B., Tapucu D., Saygin Y. Learning Domain-Specific Polarity Lexicons // *2012 IEEE 12th International Conference on Data Mining Workshops*. — Brussels : IEEE, 2012. — P. 674–679. — DOI: 10.1109/ICDMW.2012.120.
25. Ekman P., Friesen W. V. Constants across cultures in the face and emotion // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1971. — Vol. 17, no. 2. — P. 124–129. — DOI: 10.1037/h0030377.
26. Enfield N. J., Wierzbicka A. The body in description of emotion // *Pragmatics and Cognition*. — 2002. — Vol. 10, no. 1/2. — P. 1–25.
27. Esuli A., Sebastiani F. SENTIWORDNET: A Publicly Available Lexical Resource for Opinion Mining // *Proceedings of the Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'06)*. — Paris : ELRA, 2006. — P. 417–422.
28. Feldman O., Kinoshita K. Quotation Statements as a Linguistic Strategy in Japanese Parliamentary Questions // *Not My Words. The Language of Politics* / ed. O. Feldman. — Singapore : Springer, 2024. — P. 59–78. — DOI: 10.1007/978-981-97-9789-9_4.
29. Fetzer A. «And I quote»: Forms and functions of quotations in Prime Minister's questions // *Journal of Pragmatics*. — 2020. — Vol. 170. — P. 14–27. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0378216619300682> (дата обращения: 30.01.2026).
30. Fetzer A. Forms and functions of quotations in mediated political discourse // *The Dynamics of Political Discourse: Forms and functions of follow-ups* / ed. A. Fetzer [et al.]. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2015. — P. 245–273. — DOI: 10.1075/pbns.259.11.fet.
31. Fetzer A., Reber E. Quoting in Political Discourse: Professional Talk Meets Ordinary Postings // *Quoting Now and Then: Transdisciplinary Perspectives on Quotation* / ed. U. Romer, R. Schulze. — Berlin : De Gruyter, 2019. — P. 95–120.
32. Goffman E. *Forms of Talk*. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1981. — 344 p.
33. Grice P. *Logic and Conversation* // *Speech Acts* / ed. P. Cole, J. L. Morgan. — New York : Academic Press, 1975. — P. 41–58.
34. Haapanen L., Perrin D. Linguistic Recycling in Political Discourse: The Resource Aspect of Reusing Utterances in Public // *Not My Words. The Language of Politics* / ed. O. Feldman. — Singapore : Springer, 2024. — P. 265–284. — DOI: 10.1007/978-981-97-9789-9_14.
35. Harkins J., Wierzbicka A. Emotions in crosslinguistic perspective. — Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2001. — 437 p.
36. Hyland K., Jiang F. Points of Reference: Changing Patterns of Academic Citation // *Applied Linguistics*. — 2019. — Vol. 40, no. 1. — P. 64–85. — DOI: 10.1093/applin/amx012.
37. Kunnath S. N., Herrmannova D., Pride D., Knoth P. A meta-analysis of semantic classification of citations // *Quantitative Science Studies*. — 2021. — Vol. 2, no. 4. — P. 1170–1215. — DOI: 10.1162/qss_a_00159.
38. Leech G. N. *The pragmatics of politeness*. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — 369 p.

39. Miranda E., Aryuni M., Hariyanto R., Surya E. Sentiment Analysis using Sentiwordnet and Machine Learning Approach (Indonesia general election opinion from the twitter content) // Proceedings of the 2019 International Conference on Information Management and Technology (ICIMTech). — Jakarta ; Bali : IEEE, 2019. — P. 62–67. — DOI: 10.1109/ICIMTech.2019.8843734.
40. Mobley D. Deja Vu or Copyright Infringement? Why Melania Trump Infringed on Michelle Obama’s Copyrighted Speech Through Subconscious Copying // The John Marshall Review of Intellectual Property Law. — 2018. — Vol. 17. — P. 360–382.
41. Moore A. W. How significant is the use/mention distinction? // Analysis. — 1986. — Vol. 46, no. 4. — P. 173–179.
42. Nicholson J. M., Mordaunt M., Lopez P. [et al.] scite: A smart citation index that displays the context of citations and classifies their intent using deep learning // Quantitative Science Studies. — 2021. — Vol. 2, no. 3. — P. 882–898. — DOI: 10.1162/qss_a_00146.
43. Ponsonnet M. Emotional linguistic relativity and cross-cultural research on emotions // Handbook on language and emotion / ed. G. L. Schiewer [et al.]. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2022. — P. 789–812.
44. Psillos S., Curd M. The Routledge Companion to Philosophy of Science. — London : Routledge, 2008. — 704 p.
45. Saka P. The Act of Quotation // Understanding Quotation / ed. E. Brendel [et al.]. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. — P. 1–28.
46. Salager-Meyer F., Alcaraz Ariza M. Á., Pabón Berbesí M. «Backstage solidarity» in Spanish- and English-written medical research papers: publication context and the acknowledgment paratext // Journal of the American Society for Information Science and Technology. — 2009. — Vol. 60, no. 2. — P. 307–317. — DOI: 10.1002/asi.20981.
47. White P. R. R. Appraisal Theory // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / ed. J. D. Wright. — 2nd ed. — Oxford : Elsevier, 2015. — P. 779–784. — URL: <https://prwhite.info/prwhite,%202015,%20Appraisal%20theory,%20Wiley%20Encyclopedia.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

REFERENCES

1. Aleshchanova, I. V. (2000). *Tsitatsiya v gazetnom tekste: na materiale sovremennoi angliiskoi i rossiiskoi pressy* [Citation in newspaper text: Based on modern English and Russian press] [Author’s abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences]. Volgograd State Pedagogical University. <https://studfile.net/preview/3302335/page:4/>
2. Belyakov, M. V. (2023a). *Lingvoaksiologiya i lingvosemiotika diplomaticheskogo diskursa (na materiale otkrytoi professional’noi diplomatii)* [Linguoaxiology and linguosemiotics of diplomatic discourse (based on open professional diplomacy)] [Author’s abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Philology]. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
3. Belyakov, M. V. (2023b). [The problem of emotivity loss in translation (based on translations of official speeches by permanent representatives of the Russian Federation to the UN)]. *The Humanities and Social Studies in the Far East*, 21(1), 212–217. DOI:10.31079/1992-2868-2023-20-1-212-216

4. Bolotnova, N. S. (2022). Kontsepsiya emotivnosti V. I. Shakhovskogo v kontekste issledovaniy po kommunikativnoi stilistike teksta [The conception of emotiveness by V. I. Shakhovsky in the context of research on communicative stylistics of the text]. *Izvestiya VGPU. Seriya: Filologicheskie nauki, (1)*, 197–203. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-emotivnosti-v-i-shahovskogo-v-kontekste-issledovaniy-po-kommunikativnoy-stilistike-teksta>
5. Van Dijk, T. A. (2013). *Diskurs i vlast': Representatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power: Representation of domination in language and communication] (E. A. Ivanova, Trans.). Knizhnyi dom «LIBROKOM». (Original work published 2008)
6. Ivantsova, E. V. (2012). O termine «yazykovaya lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovaniya [On the term “linguistic personality”: origins, problems, and perspectives of use]. *Filologiya i kul'tura, (12)*, 24–30.
7. Karasik, V. I. (2000). O kategoriyakh diskursa [On categories of discourse]. In *Yazykovaya lichnost: sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty* (pp. 5–20). Peremena.
8. Kristeva, Y. (1993). Bakhtin, slovo, dialog i roman [Bakhtin, word, dialogue, and novel]. *Dialog. Karnaval. Khronotop, (4)*, 5–6.
9. Martirosyan, K. M. (2014). Kontsepsiya simvolicheskogo kapitala v sovremennoi sotsiologii [The concept of symbolic capital in modern sociology]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii, 4(55)*, 35–37.
10. Mart'yanov, V. S. (2012). Diskurs tsitirovaniya v ritorike rossiiskikh elit [The discourse of quoting in the rhetoric of Russian elites]. *Politicheskaya lingvistika, (1)*, 120–126.
11. Minaeva, L. V. (2014). Ob intertekstual'nosti i gipertekstual'nosti politicheskogo diskursa [On intertextuality and hypertextuality of political discourse]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo), (2)*, 15–30.
12. Muradyan, A. A. (2020). [Political discourse through literary quotations]. *Yazyk i tekst, 7(4)*, 99–106. <https://doi.org/10.17759/langt.2020070408>
13. Men, Z. (2023). [A comparative study of intertextuality in Russian and Chinese political discourse]. *Politicheskaya lingvistika, 5(101)*, 202–209. https://politlingvistika.ru/images/5-2023/_2023_5_101-202-209.pdf
14. Perov, E. V. (2013). Teoriya i analiz sotsial'noi konfliktogenosti obshchestva [Theory and analysis of social conflictogenity of society]. *Voprosy bezopasnosti, (5)*, 67–141. <https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.5.2308>
15. Tembotova, E. V. (2011). Tsitirovanie kak diskursivnaya strategiya [Citation as a discursive strategy]. In *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* (Issue 13, pp. 170–173).
16. Terentii, L. M. (2015). [Diplomatic discourse as a specific form of scientific communication]. *Voprosy psikholingvistiki, (24)*, 176–185. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23641287>
17. Shakhovskii, V. I. (2008). Chto takoe lingvistika emotsii [What is linguistics of emotions]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii*. http://tverlingua.ru/archive/012/shakhovsky_03_12.htm
18. Yapparova, V. (2016). [Diplomatic discourse as an object of interdisciplinary research]. *Filologiya i kul'tura, (2(44))*, 165–170. <https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskii-diskurs-kak-obekt-mezhdistsiplinarnogo-issledovaniya>
19. Alkhawaldeh, A. A. (2024). Quotations in Jordanian parliamentary discourse: A pragma-discourse perspective. In O. Feldman (Ed.), *Not my words: The language of politics* (pp. 23–41). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-97-9789-9_2

20. Alnowaiser, K. (2024). Scientific text citation analysis using CNN features and ensemble learning model. *PLoS ONE*, *19*(5), e0302304. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0302304>
21. Bonacchi, C., Witte, J., & Altaweel, M. (2024). Political uses of the ancient past on social media are predominantly negative and extreme. *PLOS ONE*, *19*(9), e0308919. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0308919>
22. Brendel, E., Meibauer, J., & Steinbach, M. (2011). Exploring the meaning of quotation. In E. Brendel, J. Meibauer, & M. Steinbach (Eds.), *Understanding quotation* (pp. 1–25). Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110240030.1>
23. Bublitz, W. (2015). Introducing quoting as a ubiquitous meta-communicative act. In J. Arendholz, W. Bublitz, & M. Kirner-Ludwig (Eds.), *The pragmatics of quoting now and then* (pp. 1–24). De Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110427561.1>
24. Demiroz, G., Yanikoglu, B., Tapucu, D., & Saygin, Y. (2012). Learning domain-specific polarity lexicons. In *2012 IEEE 12th International Conference on Data Mining Workshops* (pp. 674–679). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICDMW.2012.120>
25. Ekman, P., & Friesen, W. V. (1971). Constants across cultures in the face and emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*, *17*(2), 124–129. <https://doi.org/10.1037/h0030377>
26. Enfield, N. J., & Wierzbicka, A. (Eds.). (2002). The body in description of emotion. *Pragmatics and Cognition*, *10*(1–2), 1–25. John Benjamins.
27. Esuli, A., & Sebastiani, F. (2006). SENTIWORDNET: A publicly available lexical resource for opinion mining. In N. Calzolari, K. Choukri, B. Maegaard, et al. (Eds.), *Proceedings of the Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'06), Genoa, Italy* (pp. 417–422). European Language Resources Association (ELRA).
28. Feldman, O., & Kinoshita, K. (2024). Quotation statements as a linguistic strategy in Japanese parliamentary questions. In O. Feldman (Ed.), *Not my words: The language of politics* (pp. 59–78). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-97-9789-9_4
29. Fetzer, A. (2020). «And I quote»: Forms and functions of quotations in Prime Minister's Questions. *Journal of Pragmatics*, *170*, 14–27. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.08.010>
30. Fetzer, A. (2015). Forms and functions of quotations in mediated political discourse. In A. Fetzer, E. Weizman, & L. N. Berlin (Eds.), *The dynamics of political discourse: Forms and functions of follow-ups* (pp. 245–273). John Benjamins Publishing Company. <https://doi.org/10.1075/pbns.259.11fet>
31. Fetzer, A., & Reber, E. (2019). Quoting in political discourse: Professional talk meets ordinary postings. In U. Römer & R. Schulze (Eds.), *Quoting now and then: Transdisciplinary perspectives on quotation* (pp. 95–120). De Gruyter.
32. Goffman, E. (1981). *Forms of talk*. University of Pennsylvania Press.
33. Grice, P. (1975). Logic and conversation. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Speech acts* (pp. 41–58). Academic Press.
34. Haapanen, L., & Perrin, D. (2024). Linguistic recycling in political discourse: The resource aspect of reusing utterances in public. In O. Feldman (Ed.), *Not my words: The language of politics* (pp. 265–284). Springer. https://doi.org/10.1007/978-981-97-9789-9_14
35. Harkins, J., & Wierzbicka, A. (Eds.). (2001). *Emotions in crosslinguistic perspective*. Mouton de Gruyter.
36. Hyland, K., & Jiang, F. (2019). Points of reference: Changing patterns of academic citation. *Applied Linguistics*, *40*(1), 64–85. <https://doi.org/10.1093/applin/amx012>

37. Kunnath, S. N., Herrmannova, D., Pride, D., & Knoth, P. (2021). A meta-analysis of semantic classification of citations. *Quantitative Science Studies*, 2(4), 1170–1215. https://doi.org/10.1162/qss_a_00159
38. Leech, G. N. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press.
39. Miranda, E., Aryuni, M., Hariyanto, R., & Surya, E. (2019). Sentiment analysis using Sentiwordnet and machine learning approach (Indonesia general election opinion from the Twitter content). In *2019 International Conference on Information Management and Technology (ICIMTech)* (pp. 62–67). IEEE. <https://doi.org/10.1109/ICIMTech.2019.8843734>
40. Mobley, D. (2018). Deja vu or copyright infringement? Why Melania Trump infringed on Michelle Obama’s copyrighted speech through subconscious copying. *The John Marshall Review of Intellectual Property Law*, 17, 360–382.
41. Moore, A. W. (1986). How significant is the use/mention distinction? *Analysis*, 46(4), 173–179.
42. Nicholson, J. M., Mordaunt, M., Lopez, P., Uppala, A., Rosati, D., Rodrigues, N. P., Grabitz, P., & Rife, S. C. (2021). scite: A smart citation index that displays the context of citations and classifies their intent using deep learning. *Quantitative Science Studies*, 2(3), 882–898. https://doi.org/10.1162/qss_a_00146
43. Ponsonnet, M. (2022). Emotional linguistic relativity and cross-cultural research on emotions. In G. L. Schiewer, J. Altarriba, & B. C. Ng (Eds.), *Handbook on language and emotion* (pp. 789–812). Mouton de Gruyter.
44. Psillos, S., & Curd, M. (Eds.). (2008). *The Routledge companion to philosophy of science*. Routledge.
45. Saka, P. (2011). The act of quotation. In E. Brendel, J. Meibauer, & M. Steinbach (Eds.), *Understanding quotation* (pp. 1–28). Mouton de Gruyter.
46. Salager-Meyer, F., Alcaraz Ariza, M. Á., & Pabón Berbesí, M. (2009). “Backstage solidarity” in Spanish- and English-written medical research papers: Publication context and the acknowledgment paratext. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 60(2), 307–317. <https://doi.org/10.1002/asi.20981>
47. White, P. R. R. (2015). Appraisal theory. In J. D. Wright (Ed.), *International encyclopedia of the social & behavioral sciences* (2nd ed., pp. 779–784). Elsevier. <https://prwhite.info/prwhite,%202015,%20Appraisal%20theory,%20Wiley%20Encyclopedia.pdf>

Об авторах:

Насильников Евгений Вадимович – аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

ORCID ID: 0009-0009-8540-0356.

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики лингвистического факультета, Государственный университет просвещения (Москва, Россия).

ORCID ID: 0000-0002-6611-8744.

Получено: 16 марта 2025 г.

Принято к публикации: 20 сентября 2025 г.

EMOTIVE ASPECTS OF QUOTATION IN DIPLOMATIC DISCOURSE: A STUDY OF US AND UK SPEECHES IN THE UN SECURITY COUNCIL (1964–1965)

Evgeny V. Nasilnikov

State University of Education (Moscow, Russia)
Nevad-vlsu@yandex.ru

Olga I. Maksimenko

State University of Education (Moscow, Russia)
maxbel7@yandex.ru

Abstract: The article explores the emotional aspects of quoting in diplomatic discourse within the framework of public political communication. The aim is to identify how different citation strategies contribute to the expression of emotivity in diplomats' speeches. The study is based on 100 speeches delivered by the permanent representatives of the USA and the UK in the UN Security Council (1964–1965). Emotional polarity was assessed using automated tools: SentiWordNet, which assigns numerical values to words for their positive, neutral, or negative tone; VADER (Valence Aware Dictionary and sEntiment Reasoner), which considers contextual associations; and WordCounter, which analyzes the frequency of key lexical items. Discourse and quantitative analysis were applied to determine the frequency and function of various citation types. The findings show that direct quotation prevails, aligning with institutional requirements for evidentiality. However, significant differences in citation strategies were observed: British diplomats more often use indirect quotation, integrating others' speech into their arguments, while American representatives favor scare quotation – using quotation marks to signal distancing, irony, or doubt. Quotations were found to serve not only referential but also emotional functions, especially in contrastive contexts as tools of opposition. This is the first study to apply automated sentiment analysis to the emotional aspects of quoting in diplomatic discourse. It reveals differences in citation strategies that reflect national rhetorical styles. Special attention is given to the pragmatic functions of citation, interpreted via H.P. Grice's Cooperative Principle. The study shows how adherence to or marked violation of Gricean maxims is strategically used to strengthen rhetorical positions and shape evaluative framing. A methodology for integrating sentiment analysis tools into the study of quotation was developed, and a corpus-based analysis conducted, enabling the identification of key pragmatic functions in institutional discourse.

Keywords: quotation, diplomatic discourse, political rhetoric, emotivity, sentiment analysis, pragmatics.

How to cite this article: Nasilnikov, E. V., Maksimenko, O. I. (2026). Emotive Aspects of Quotation in Diplomatic Discourse: A Study of US and UK Speeches in the UN Security Council (1964–1965). *Professional Discourse & Communication*, 8(1), 27–52. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-1-27-52>

About the authors:

Evgeny V. Nasilnikov is a postgraduate student in the Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Linguistic Faculty, State University of Education (Moscow, Russia).

ORCID: 0009-0009-8540-0356.

Olga I. Maksimenko, Dr. Sci. (Philology), is a Full Professor and Professor in the Department of Language Theory, Anglistics and Applied Linguistics, Linguistic Faculty, State University of Education (Moscow, Russia).

ORCID: 0000-0002-6611-8744.

Received: March 16, 2025.

Accepted: September 20, 2025.